

Бахтиёр Ирмухамедов

НЕТЛЕНКИ

КНИГА ПЯТАЯ

Бахтиёр Ирмухамедов

Нетленки. Книга пятая

«Издательские решения»

Ирмухамедов Б.

Нетленки. Книга пятая / Б. Ирмухамедов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968337-3

Этот том состоит из пятих 100 моих стихотворений, написанных в основном 7 —10 лет тому назад. Здесь найдете и озорные двустушия, и тексты для песен, и философскую лирику, и размышления о любви, и многое другое. Некоторые из представленных произведений лучше всего читать с включенным чувством юмора.

ISBN 978-5-44-968337-3

© Ирмухамедов Б.
© Издательские решения

Содержание

ПАМЯТНИК	6
НАТАЛЬЕ ГОНЧАРОВОЙ	7
НЕРАВНЫЙ БРАК	9
ЖЕЛАНИЕ	10
ПРОСТО РЕЧЬ	11
ПРОШЕНИЕ О КАЗНИ	12
Я ПЛАКАЛА	13
ПАМЯТНИК-2	14
ЮЛКА	15
ЖЕЛЕЗНАЯ ВЫДЕРЖКА	16
И ЭТО ТОЖЕ ЛЮБОВЬ	17
ПАНИКА	18
НЕИЗБЕЖНОЕ	19
ПИСЬМО ГУЛЬСАРЕ	20
НАЯДА	21
ЗАРИСОВКА ПЕЧАЛИ	22
ВОЗМОЖНОЕ СПАСЕНИЕ	23
РАЗГОВОР ВО СНЕ	24
ГРУСТНАЯ ЭПИСТОЛА	26
ТАШКЕНТ-2012	27
ИЗБРАННАЯ	29
ТВОИ ГЛАЗА	30
ФИНАЛЬНОЕ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Нетленки Книга пятая

Бахтиёр Ирмухамедов

© Бахтиёр Ирмухамедов, 2019

ISBN 978-5-4496-8337-3 (т. 5)

ISBN 978-5-4496-7600-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАМЯТНИК

Поставьте памятник себе
Назло врагам, назло соседям,
Назло друзьям, назло судьбе,
Назло провалам и победам.

Поставьте памятник себе
Во глуби бездны Марианской,
На Эверестовом столбе
И на степной тоске цыганской.

Поставьте памятник себе
В центральном сквере, в переулке,
На громогласной похвальбе
И на заслуженной охулке.

Поставьте памятник себе
На крыльях ангелов и бесов,
На бестолковой ворожке,
На гениальности балбесов.

Поставьте памятник себе
В сердцах людей, в душе любимой,
На самой искренней мольбе,
На чистой вере недробимой.

Поставьте памятник себе
На звездах, росах, в поцелуях,
На гимне родины, в гербе
И на вселенских аллилуйях.

Поставьте памятник себе.
Пусть будет символом он вечным
Преодоления в борьбе
Короткой жизни человеческой.

НАТАЛЬЕ ГОНЧАРОВОЙ

«У сердца есть своя стыдливость»

Н.Н.Гончарова

«Словом, я огончарован».

А.С.Пушкин

Наталья Николаевна, простите,
Я потревожу Вас на пять минут.
Надеюсь, что в рифмованной сюите
Меня за дерзость люди не распнут.
Считают Вас виновной в смерти Саши,
Мол, были Вы к Поэту холодны,
Мол, взоры беззастенчивые Ваши
Дантесу были в срам посвящены.
Но это же не так! Мы оба знаем,
Что Александр Сергеевич один
Был Вашим сердцем нежно обожаем
И только он ему был господин.
Он говорил, что Вами очарован,
И новым словом мир обогатил,
Сказав, что Вами весь огончарован.
И Вашу честь дуэлью защитил.
Я не пойму людей: ведь всем известно —
Красавица всегда к себе влечет,
Будь то супруга, дева иль невеста,
Для казанов лишь страсть идет в расчет.
И если Бог Вас наградил небесной,
Сразившей Александра, красотой,
То вправе ли хулою легковесной
Вас кто-то порицать за дар святой?
Не утихают споры и о Вашем
Замужестве: считается, что Вы
Стать не имели права генеральшей,
Предав Поэта с ног до головы.
Но я скажу: Вы поступили верно,
Детей Поэта вырвав из нужды,
Иначе б жизнь для них сложилась скверно
В эпоху зла, насмешек и вражды.
Вас ненавидел свет – пустой и грубый,
А маргиналы Вам проклятья шлют,
И только Пушкин Вас любил и любит,
А это значит, Вы – его приют.
Пришлось Вам многое переосмыслить
И вытерпеть во мнении людском.
Не мог тогда себя я в Питер выслать,

Чтоб поддержать во всем Вас целиком.
Вы не были ни «мраморной», ни «клушкой»,
Вы были как роса на лепестках.
И если Вас любил великий Пушкин,
То значит, Вы достойны жить в веках.
Я чувствую к хулителям гадливость.
Им не понять, что в том и красота,
Когда у сердца есть своя стыдливость,
А у души – любовь и чистота.

НЕРАВНЫЙ БРАК

Но я тебя нашел не сразу.
Искал я долго. Так перо
В словесном соре ищет фразу
И лишь потом дает добро.
Когда я встретился случайно
С тобой на склоне лет моих,
Мне было больно и печально
Увидеть блеск в очах твоих.
Ты молода, а я не молод,
Прекрасна ты, а я рябой,
Пушинка ты, а я, как молот,
Ты на заре, а мне отбой.
Но, несмотря на все различья,
Я подошел к тебе с цветком
И ради бравого приличья
В каблук ударил каблуком.
Ты рассмеялась смехом звонким,
Сказав, что в наши времена
Уже никто манерам тонким
Не следует, что старина
Осталась там, в веках далеких...
А после ты взяла цветок,
И мы по улице широкой
Пошли искать наш уголок.
Но мы нашли его не скоро:
Бродили мы по всем краям,
Везде встречали нас укором:
Неравный брак – позор и срам.
Я думал, ты меня оставишь,
Не выдержав людских плевков,
Но ты меня любовью славись
И не боишься дураков.
Теперь имеем, что хотели —
И дом в горах, и тишина.
Мы все с тобой преодолели.
Я пьян тобой, ты мной пьяна.
Пусть наш союз слывет бунтарским
В ущербном мнении людском,
Но счастлив я, что по-гусарски
В каблук ударил каблуком.

ЖЕЛАНИЕ

Камилле

Проведи меня по травам,
По долинам и лугам,
Чтоб ни слева и ни справа
Я не слышал шум и гам.
Проведи меня по водам,
По озерам и морям,
Где бы я высоким одам
Мог вернуть и стыд, и срам.
Проведи меня по суше,
По суглинкам и камням,
Чтобы я очистил душу
Неприкаянным теням.
Проведи меня по снегу,
По сугробам и по льдам,
Где девическую негу
Не подвергнуть неладам.
Проведи меня по небу,
По галактики лучам,
Чтоб слепому и дулебу
Было ярко по ночам.
Проведи меня по ветру,
По торнадо и штормам,
У которых по диметру
Научусь святым псалмам.
Проведи меня по грусти,
По надеждам и мечтам,
Что обернуты в линкрусты
И неведомы шутам.
Я хочу в тебе согреться.
Все условности отставь.
Проведи меня по сердцу
Твоему... и в нем оставь.

ПРОСТО РЕЧЬ

Я не пытался развенчать
Твои заманчивые ноги,
Когда тупые бандерлоги
Тебя решили обличать.
Нам всем друзья плевали в душу,
Нас всех порочили враги.
Когда запудрены мозги,
Какие ноги там, Настюша?!
Здесь уцелеть не всем дано.
Менталитет уже в руинах.
И мы находим в бабуинах
Черты, знакомые давно.
Как будто зеркало пред нами,
И нет в сердцах высоких нот.
Лишь Бенджамин глядит с банкнот
Своими круглыми глазами.
Я возлюбить бы ближних рад,
Но им чего-то не хватает:
Они все время все хватают
И суетятся невпопад.
Кругом не люди, но приматы.
Мы деградируем в алчбе.
Что я могу сказать тебе,
Когда нарушены форматы?
Живи и пой на вилке ног,
Дыши Чарвакским водоемом
И наслаждайся окоёмом,
В который я войти не смог.

ПРОШЕНИЕ О КАЗНИ

Камилле

Убей меня сейчас и здесь
За то, что я тебя люблю,
За то, что я пронизан весь
Твоей красой, что я молю
Хотя бы взгляд мне подарить,
Хотя бы вздохом дать понять,
Что я могу боготворить
То, что у сердца не отнять.
Хотя бы бровью поведи,
Хотя бы жестом покажи,
Что есть надежда впереди,
Что между нами нет межи.
Но ты надменна, холодна
И можешь даже в ступор впасть,
Как будто вовсе не видна
Моя мучительная страсть.
Ужели нет в тебе души,
И сердце высохло внутри?
Во мне ты видишь облик вши.
Но я не вошь! Ты посмотри! —
В моих глазах лишь ты блестишь,
В моих ушах лишь ты звенишь,
В моей душе лишь ты летишь,
Мои мечты лишь ты пьянишь.
Откройся мне, преодолей
Свой гонор глупый: от него
Ты станешь разумом хилей
И деградируешь в маго.
А если все ж тебе невмочь
Угломонить на сердце спесь,
Не уходя от жертвы прочь,
Убей меня сейчас и здесь!

Я ПЛАКАЛА

(написано от имени неизгладимой)

Я плакала, я плакала, любимый,
Когда ты уходил совсем чужой,
Как будто не был нежным и родимым,
Как будто полоснул меня ножом.
Я плакала, просила, умоляла,
Не понимая, в чем винить себя:
Я как умела, так и целовала,
Я как могла, так и ждала тебя.
Но ты ушел, не бросив даже взгляда,
Но ты ушел, не выслушав меня.
Не знаю, как я избежала яда,
Не помню тех, кто вынес из огня.
Я плакала в бинты, в свои ожоги,
И выплакала слезы все до дна.
Лишь память мне подобием изжоги
Мешала жить, меняя времена.
И вот теперь я все преодолела,
И солнце вновь восходит надо мной.
Мне до тебя нет никакого дела,
Отныне сольной я звучу струной.
Я обниму леса, поля, долины
И в горный воздух с головой нырну;
Мои друзья – орланы и павлины,
Мои подружки – антилопы гну.
Лягушки будут мне сонаты квакать,
Соловушки – симфонии свистеть.
Я никогда уже не буду плакать,
Я буду просто жить и просто петь.

ПАМЯТНИК-2

Поставьте памятник любви
На небесах, на лунном свете,
На смертной клятве на крови,
На ненаписанном сонете.

Поставьте памятник тоске
По дорогому человеку
На одуванчике, песке
И на цветке, упавшем в реку.

Поставьте памятник врагу
На самом шумном перекрестке,
На зыбком, скользком берегу
И на рассыпчатой известке.

Поставьте памятник нужде,
Чтоб не забыть в чаду эпохи,
Что были с миром во вражде
И подбирали с улиц крохи.

Поставьте памятник смертям
На главной площади укором
Убийцам, войнам и властям,
Покрывшим честь свою позором.

Поставьте памятник рублю,
Юаню, доллару и евро
Народным даром куркулю,
Но не в карман, а прямо в плевро.

Поставьте памятник мечте
На траектории полета,
На ветра дивном фуэте,
На композиции фагота.

Поставьте памятник и мне
Какой-нибудь, пускай бумажный,
Напоминанием стране,
Что я любил, страдал и жаждал.

ЮЛЬКА

Юлька, Юлька, дева-красотулька,
Почему же я тебе не люб?
Может, совершим с тобой прогулку —
И тогда поймешь, что я не «дуб».
Я тебе напомним, как Есенин
Персиянке пел свои стихи,
Как ее склонял в саду весеннем
Постигать любовные грехи.
Расскажу о том, как Маяковский
Лилию Брик смертельно обожал
И, не выдержав тоски чертовской,
На курок для выстрела нажал.
О Володе и Марине Влади
Без меня ты знаешь хорошо,
Как загнулся он любви ради,
Выпитый мирскою томошой.
Было много байронов и гёте,
Пушкиных, гомеров, окуджав,
Кто страдал в своем духовном гнёте
И в чаду рифмованных держав.
Вот теперь и я к святой когорте
Подбираюсь робко, не спеша,
И в моей взволнованной аорте
Еле дышит скромная душа.
Завершая краткую прогулку,
Я шепну одним движеньем губ:
Чтобы жил я в этом мире, Юлька,
Должен быть тебе мой образ люб.

ЖЕЛЕЗНАЯ ВЫДЕРЖКА

У постели твоей итальянской
Я стою не хмельной, не нагой
И безумствую дурью шаманской
Над твоей обнаженной ногой.
Ты уснула сегодня под утро
От усталости, не от меня,
Лишь сказав, что моя «Камасутра» —
Это полная чушь и брехня.
Даже в томной агонии тела
Ты умеешь любить от души,
Будто в пойме земного предела
На ветру шебуршат камыши.
Ты красиво, блаженно и нежно
Обнажила бедро невзначай,
Но держусь я умно и прилежно,
Не бросаюсь на твой молочай.
Мне хотелось рукой осторожной
Провести по твоей белизне,
Но не стал я сдаваться порожней,
Безответной и жалкой возне.
Вот и плечи твои приоткрылись
Из-под сонных и длинных волос,
Только пальцы в подушку зарылись,
А за ними частично и нос.
Ты медлительно перевернулась —
И твой «мячик» дыхание мне сбил.
А когда ты во сне улыбнулась,
Я сильнее тебя возлюбил.
Сколько сил я потратил на битву
С вожделением в эти часы!
Я шептал непрерывно молитву,
Удержав от паденья трусы.
Как ужасно манит искушенье!
Но тебя я так нежно люблю,
Что не буду вершить прегрешенье:
Спи, любимая, я потерплю.

И ЭТО ТОЖЕ ЛЮБОВЬ

А если я тебя не поцелую,
Когда ты согласишься на любовь,
Ты мне споешь осанну-аллилуйю
Или из носа выпустишь всю кровь?
Не знаю я, и ты не знаешь тоже,
Какая боль привидится во сне,
Когда окажемся на брачном ложе
Вдвоем на удивление стране.
Но, может быть, нам стоит попытаться,
Длиннющие отвергнув словеса,
Поведать всем доходчиво и вкратце,
Что нас роднят сердца, не телеса.
Конечно, ты к такому не готова
И вряд ли пожелаешь обменять
На миску щей ляган крутого плова
И на топчан роскошную кровать.
Да и характер у тебя не сладкий:
Чуть что – и все: спасайся, визави!
Я на любовь не очень-то и падкий,
Когда проблемы светят от любви.
Но все равно ты мне ужасно любя,
И потому согласен я терпеть,
Когда твои порхающие губы
На мне заменит хлещущая плоть.
Пусть я судьбой не так уж и балуем,
Но ты меня отметь своей звездой
И награди сердечным поцелуем,
И укроти волос твоих уздой.

ПАНИКА

Мне хочется сегодня умереть:
Вы не пришли на первое свиданье.
Не заслужил я муки ожидания,
Не заслужил и от обмана смерть.
Я Вами был нежданно очарован,
Когда явились Вы моей мечтой.
С тех пор, сраженный Вашей красотой,
Я без цепей любовью к Вам прикован.
Я думаю о Вас и не могу понять,
Вы – наказание мое или награда,
Вы – сад в раю или пустыня ада,
Вы – боль души иль сердца благодать.
Вы не пришли, хотя и обещали,
А я стою и мну в руках букет,
А Вас нигде, в помине даже, нет!
Ужели Вы на память обнищали?
Вы говорили, что придете в семь,
А на часах на две минуты больше!
Не вынесу я мук подобных дольше!
Вам чуждо сострадание совсем.
Все, смерть моя близка.... Но – Боже славный! —
Вы все-таки пришли.... Не опоздав?
А ну-ка сверим... да, я был не прав:
Мои часы немного неисправны.

НЕИЗБЕЖНОЕ

Я вышел, друзья, из-под ига любви,
Теперь я свободен от мук и страданий,
От грустных ночей и пустых ожиданий,
От боли в душе и безумства в крови.
Как долго терзал я себя рифмоплетством,
Как едко смеялись враги надо мной!
Опале подвергнут я был тишиной
И был уничтожен духовным сиротством.
Во что превратился я, страстью дыша, —
Я голоден в холоде города хлеба,
Я пасмурный пасынок пазанок неба,
В котомке – ветра, в кошельке – ни шиша.
Но «Баста!» сказал я себе и уехал
На Северный полюс в мороз и пургу,
Где белый медведь о любви ни гугу,
Где светлые ночи одна лишь утеха.
Но здесь, на краю и судьбы, и земли,
Куда не проникнет вселенская смута,
Ловлю я себя на одном: почему-то
Мне хочется снова увидеть Лейли.

ПИСЬМО ГУЛЬСАРЕ

Да, я порой словоохотлив,
Да, я рифмую черте что.
Но ты меня не бей за то,
Что я гулически заботлив.
Ты все, конечно, поняла
Давным-давно, читая строфы
Моей сердечной катастрофы
И обреченности чела.
Но ты притворно молчалива
И производишь всюду вид,
Что не в тебя влюблен пиит,
Чья муза вздорна и ворчлива.
И в то же время в тишине
Ночной бессонницы и скуки
Мои смакуешь рифмозвуки
С моей мечтой наедине.
Ты улыбаешься, встречая
Удачной шутки каламбур
Внутри ямбических фигур,
Воображение включая,
И раздражаешься, когда
Я выхожу за рамки меры,
Вводя ненужные примеры
На грани фола и стыда.
Но ты прекрасно уловила —
Ведь ты сама на службе муз, —
Что мой классический комуз
Сродни строению ветрила.
То будет бриз иль ураган —
Все принимает к сердцу парус;
Пусть он похож на грубый гарус,
Но он из шелка Богом ткан!
Я не угодлив, не расчетлив,
Но я заботлив и влюблен —
Вот почему я расчехлен
И чересчур словоохотлив.

НАЯДА

У Ваших ног валяется страна,
Лишь я один стою, благоговей.
Я не достиг желанного руна,
Но видел Вас при помощи Морфея.
Вы плавали, как Ева, нагишом,
И волны, чуя Вас, с ума сходили.
Я был на расстоянии большом,
Но мог узреть, как Вы меня стыдили
Своими персями, ногами и
Основой всех основ и мирозданий,
Магнитной тягой сущности любви,
Причиной сладкой всех мужских страданий.
О, как прекрасны были Вы, когда
На берег вышли и легли под солнцем,
Не ведая ни капельки стыда
Перед смотрящим в оба незнакомцем!
На Ваших прелестях речной росы
Блестели жемчуга игривым светом.
И от такой невиданной красы
Ослепло небо, брошенное ветром.
И стало мне понятно, отчего
Страна не хочет столько лет подняться:
Ведь нет на свете выше ничего,
Чем от любви у Ваших ног валяться!

ЗАРИСОВКА ПЕЧАЛИ

Ты пронеслась на иномарке
И не махнула мне рукой.
Свою обиду в темном парке
Я изложил одной строкой:
«Тебе терзать меня прикольно».
Ведь ты замашками вождей
Плюешь с высокой колокольни
На добродетельных людей.
Ну что же, плюйся, дорогая,
Пока безветренно вокруг,
Пока, по осени шагая,
Не окочурились мы вдруг.
Мы не успеем оглянуться,
А жизнь пройдет – и нам с тобой
Придется в омут окунуться
И распрощаться с ворожкой.
Никто из омута Аида
Доселе вынырнуть не смог.
Сгорит во мне моя обида
При виде длинных, стройных ног.
Но ты летишь на иномарке
По листопаду вдоль шоссе,
А я один в угрюмом парке
Произвожу в слезах шассе.
Со мной вальсирует разлука,
Шурша опавшею листвою;
Акомпанирует нам скука,
Мешая музыку и вой.
В том жалком дальнем отголоске
Мне слышно, как бездомный пес
Своей судьбы ничтожной фоске
Моё сиротство соотнес.
Не я один в ночи страдаю:
Таких, как я, в избытке псов.
Но я один в любви блуждаю,
Не различая полюсов.
У этой пьесы нет ремарки,
И в эпилоге – ничего.
Ведь ты в комфорте иномарки
Не замечаешь никого.

ВОЗМОЖНОЕ СПАСЕНИЕ

На этой мстительной планете
Террористические сны.
Заложен страх в святом завете,
И этот страх – залог войны.
Но нам ли, Гуля, падать духом
И сердце местью наполнять?
Любовь – не баба-повитуха,
Чтоб на неё за боль пенять.
Мне все равно, кто что пророчит,
Когда мою волнуют грудь
Твои эпические очи,
Твоя лирическая суть.
Взорвутся пусть к чертям собачьим
Земля, Галактика, миры —
Мы всем назло себе назначим
Свиданье в стиле Гульсары.
Там, за Вселенной, за границей,
Куда вовек не проникал
Ум человеческий, мы, как птицы,
Себе устроим карнавал.
Там, в недоступности эфира,
Нас разлучить не смогут сны
Террористического мира
И человеческой войны.

РАЗГОВОР ВО СНЕ

Сегодня мне приснился Маркес.
Он мне сказал: «Твоя Лейли
Не даст рифмованной примарке
Ни пяди выжженной земли.
Ведь ты же помнишь, мой полковник
Все ждал, когда придет письмо,
Признав в конце, что злой чиновник
Его заставил есть дерьмо.
Вот и Лейли твоей до фени,
Какую боль, какую страсть
Вложил ты в плач стихотворений,
Коль не способен деньги красть».
Но я с маэстро Габриелем
Не согласился, возразив,
Что я сражен любовным хмелем,
Но не такой, как тот Сизиф;
Что и Лейли – не кукла Барби,
Не айсберг северных морей
И не подобье желчных гарпий,
Тем боле алчных мизгирей.
Моя Лейли – как парус в море,
Как облака на синеве,
Как вольный ветер на просторе,
Как луч, скользящий по траве;
Она – мелодия полета,
Она – симфония любви,
Она – противница компюта,
Она – судьбы моей пахви.
Но Габриель Гарсия Маркес
Лишь улыбнулся мне в ответ,
В его мимической ремарке
Лишь отразился грусти свет.
Конечно, он велик и мощен,
И в уважении моём
Не мог быть мною отчихвощен
И назван старым упырём.
Я лишь сказал словес приору:
«Зря, Габриель, прошу простить,
Вы на мою Лейли-синьору
Посмели «бочку накатить».
Она прекрасна, Вы поймете,
И экстерьером и душой.
И я уверен, Вы введете
Её черты в роман большой».
На этом месте сон прервался.

Кричал петух издалека,
Как будто мне сказать пытался,
Что я обидел старика.

ГРУСТНАЯ ЭПИСТОЛА

Здравствуй, милая Настюша.
Коротенько расскажу,
Что сегодня я не кушал
И, не выспавшись, сию
За компьютером, и душу
На экране вывожу.

А душа моя больная
И боится темноты.
Временами, как чумная,
Мечет бурные финты.
Излечить ее, родная,
Можешь, Настя, только ты.

Бью по клавишам, как будто
Забиваю гвозди в стол.
Так, наверно, марабуты
Создавали свой престол.
Заболею я скорбутом
Без любви и фарандол.

Буквы пляшут на экране,
Собираются в слова,
А моя в угаре пьяном
Не фурычит голова.
Только ты в Узбекистане
Для меня всегда права.

Твой портрет передо мною,
А тебя со мною нет.
И от этого я ною,
Как страдальческий сонет.
Жить с душой своей больною,
Видно, мне остаток лет.

ТАШКЕНТ-2012

*«Я знаю, что ночи любви нам даны
И яркие, жаркие дни для войны».*

Н. Гумилев.

Мне город Ташкент стал уже не родным,
Он больше не город, а просто столица,
Где очень вольготно живет блатным
И где не увидишь открытые лица.

Мой город Ташкент был, как Бога душа,
Заботливо-нежным, веселым и светлым,
Лирично-манящим, и жил, не спеша,
И образом жизни был славен оседлым.

Теперь же в Ташкенте одна суета —
Погоня за долларом круглые сутки;
Одним – миллионы, другим – нищета;
И властвуют всюду рвачи и ублюдки.

Не могут насытиться те, кто вверху:
У более слабых еду отбирают,
И тем, что Аллах им повесил в паху,
Несчастных узбеков нещадно карают.

Деревья срубили – и солнце палит!
Раздели Ташкент, как блудливую шлюху.
Ужасный монгол горожан кабалит
В том сквере, где кедры маячили слуху.

А площадь, где раньше гуляли с детьми
Родители, пары ходили свободно,
Где власть не хлестала прохожих плетью,
Для вольного духа теперь непригодна.

Убийственный город – он больше не мой.
Завистливый город – он больше не хлебный.
Ташкентцам грозят и сумой, и тюрьмой:
Здесь каждому выдан удел раболепный.

И в пору кричать: «понаехали тут»
Стада маргиналов с умом первобытным! —
Хватают и тащат, гребут и крадут,
И статусом хвалятся будто элитным.

Их рожи свиные и вонь в голове,
И туши смердящие новых ташкентцев,
Их мысли о деньгах лишь и о жратве
Ташкент превратили в оплот вырожденцев.

Кичливых фасадов зеркальная гладь
Пытается скрыть проституцию духа.
Но разве в наряде монашеском б...
Не выдаст себя, что она потаскуха?!

А в Белом Дворце производится мрак,
Его превозносят салютом победным,
Как будто здесь каждый живущий дурак,
Как будто все верят во властные бредни.

Тупой пропаганды отчетливый блеф
Сродни беспринципности Третьего Рейха.
Ташкент и страну переделали в хлев
Для гнусных подручных «Кровавого Шейха».

Повсюду преграды, ограды, заборы
Собой упрекают людей в воровстве,
Но крепко сидят настоящие воры
На шее народа в своем кумовстве.

Уже очевидно, настала пора
Очиститься всем от такого разгула:
Ведь ширится черная бездна-дыра,
Куда уппадают рабы Вельзевула.

ИЗБРАННАЯ

В элитной части Ваших губ
Мой поцелуй еще трепещет,
Но Вы уже собрали вещи,
Остановив мой «ледоруб».
Из Вашей VIPовской груди
Волнение слышится глухое:
Ведь Вы подумали плохое,
Когда стоял я позади.
И Вы мою прервали речь,
А я хотел излить Вам душу,
Сказав, что грязи не обрушу
На элитарность Ваших плеч.
Ужели я посмею Вас
Обидеть страстностью молений,
Взяв августейшие колени
В заложники в неровный час?
Не уходите, я молю,
Не одевайтесь так поспешно.
Свиданье было столь безгрешно! —
Его стихами восхваляю.
Но Вы уходите в свой клуб
Высочеств разных и Величеств,
Моих не вытерев язычеств
С элитной части Ваших губ.

ТВОИ ГЛАЗА

Я устаю глядеть в твои глаза,
Твой взгляд меня энергии лишает:
Я словно покрываюсь весь лишаем,
И будто колет сердце дереза;
Как будто кровь куда-то вытекает,
И мышцы овивает паралич,
И кости поедает злой тирлич,
И в голове мышление иссякает.
Ты ведьма или фея, Гульсара?
Какие чары множишь в этом взгляде?
Таишь ты гибель мне в любовном яде
Или готовишь неги вечера?
Твои глаза прекрасны и опасны —
В них и обман, и мысли красота,
В них жар души и гнева мерзлота,
Презренье в них и взор, со всем согласный.
О, не смотри так! Лучше разъясни,
Зачем твои глаза меня буравят —
Они мой дух к великому направят
Иль сердце мне оставят без брони?
О, смилуйся, Гули! Дай мне окрепнуть,
Нам ни к чему такая гомоза.
Я устаю глядеть в твои глаза —
Боюсь от них пожизненно ослепнуть.

ФИНАЛЬНОЕ

Я закругляюсь, Гульсара,
Не потому, что исписался,
Но потому, что не касался
Тебя с утра и до утра.
А как хотелось навестить
Тебя во время ночи лунной
И на гитаре семиструнной
Грядущий день оповестить
О состоявшейся любви!
О воплощении надежды!
(Она рифмуется с «одеждой»,
Быть может, и на пехлеви).
Но ты, как небо, далека,
Но ты, как звезды, недоступна.
Твоя обитель неприступна
В нагорной зоне Чарвака.
А просто так писать стихи
И воспевать твой образ дивный
В порожней страсти – дефективно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.